

СЛАВЯНСКОЕ ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ: СЕМАНТИКА, СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ЭВОЛЮЦИЯ

В работе пойдет речь о конструкции, иначе называемой предбудущим, объединяющей показатели футурума и предшествования моменту референции. Предбудущее в системе глагола среди славянских языков имеют только современные сербохорватский, болгарский и македонский:

(1) Сербохорв. *Будете ли лети хладовали, ви ћете зими гладовати.* 'Если летом **прохлаждались**, зимой будете голодать' [Стевановић 1986: 684];

(2) Болг. *Нека ме вземе и убие — **ще** ме **е** убил той...* 'пусть меня возьмёт и убьёт — меня уже **убил** он' (В. Мутафчиева) [Ницолова 2008: 315];

(3) Макед. *Дури ти да дојдеш, той **ќе** ја **има** решено таа работа.* 'Когда ты придешь, он уже **решит** это дело' [Lunt 1952: 99].

Ограниченное в настоящее время только Балканами, второе будущее в более ранний период засвидетельствовано практически во всех славянских языках, которые унаследовали его еще из праславянского¹, ср.:

(4) Старосл. ...прѣклонитъ сѧ н падеть егѣда **оудоваѣль вждеть** оувогымъ. '...преклонится и падет, когда **одолеет** бедного' (Пс. 9, 31) [Син.Пс.: 14];

(5) Древнечеш. *Shřěši-li v tobě bratr tvůj, jdi a treskci jej, uposlúchá-li tebe, **získal budeš** bratra tvého.* 'Согрешит ли против тебя брат твой, иди и обличи его, послушает ли тебя, значит, тем самым ты **приобрел/приобретешь** брата своего' (Mat. 18, 15 EvZimm.) [Gebauer 1958: 426];

¹ Форма, восходящая к праславянской, но утратившая ретроспективность, известна в польском, кашубском, словенском, кайкавском сербохорватском, русинском, западноукраинских и восточнословацких говорах.

Яна Андреевна Пенькова,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ: проект № 17-34-01061 «Славянское второе будущее в типологической перспективе».

(6) Древнерус. Ты, Нестере, про чнцѣкъ прншлн ко мнн грамоту, с кнмъ **будешъ послаалъ**. ‘А ты, Нестер, про шишак пришли мне грамоту, с кем **пошлешъ/послалъ**’ (БГ № 358) [Зализняк 2004].

До сих пор подробных исследований славянского второго будущего на материале славянских языков не предпринималось. Среди работ, выходящих за рамки одного языка, можно назвать монографию Х. Кржижковой [Křížková 1960: 76–108, 156–173], рассматривающей предбудущее на материале древних западнославянских языков, старославянского и древнерусского, статью К. Рёслера, посвященную перифразам футурума [Rösler 1952], диссертацию [Migdalski 2006] о синтаксисе аналитических форм в славянских языках, работу [Todorović 2007] о способах выражения будущего в славянских языках и [Војводић 2014] о грамматикализации будущего времени в сербском, русском и польском языках.

Обзор литературы по второму будущему в старославянском, древнерусском, древнецерковнославянском см. в [Пенькова 2014, 2017]. Исследования по предбудущему в современных сербохорватском и болгарском многочисленны, их подробное освещение выходит за рамки возможностей данной статьи (см., например, [Movchan; Vuković 2014]). Несмотря на большое количество частных работ, существует еще очень много белых пятен на семантико-синтаксической, диахронической и типологической карте предбудущего (вне языков Европы оно вовсе не исследовалось).

Целью настоящей работы является частичное восполнение данного пробела в славистике: описание структурных особенностей, семантики и диахронической эволюции второго будущего в славянских языках в сопоставлении с его структурными соответствиями в других европейских языках. Материалом исследования послужили славянские памятники XI–XVIII вв.², грамматики современных славянских языков и электронные ресурсы (параллельный русско-болгарский корпус, интегрированный в НКРЯ, НКБЯ, РК). Особое внимание к диахроническим данным позволило проследить семантическую и структурную эволюцию предбудущего.

Структурные особенности второго будущего в славянских языках

В славянских языках предбудущее связано с системой перфекта — синхронно или исторически, если семантический перфект оказывается утрачен (например, в древнерусском). Однако формальные особеннос-

² Рамки данной статьи не позволяют представить полный перечень изученных источников.

ти второго будущего в конкретных языках имеют довольно существенные различия. Можно выделить следующие структурные типы:

Сербохорватский (общеславянский) тип: перфективный презент от основы *bqd-* + *l*-форма. Второе будущее образуется по данной модели в литературном сербохорватском и в большинстве древнеславянских языков, унаследовавших эту конструкцию из праславянского: старославянском, среднеболгарском, древнехорватском/древнесербском, древнерусском, староукраинском, старобелорусском и древнечешском (вопрос о существовании предбудущего в древнепольском в дописьменный период требует отдельного рассмотрения, см. ниже). Полное отсутствие свидетельств о предбудущем в глагольной системе демонстрируют только полабский, верхне- и нижнелужицкий [Andersen 2006], не имеющие, однако, древней письменной традиции.

Особую разновидность данного типа представляют конструкции с приставочным вспомогательным глаголом от основы *узбуд-*, изредка встречающиеся в штокавских текстах XVII–XIX вв. (о формах презентса с приставкой *уз-* см. [Стевановић 1986: 695–696]).

Болгарский (севернобалканский) тип. В исконной системе второе будущее несимметрично аналитическому будущему первому (с вспомогательным ‘хотеть’ и под.), т. е. не соотносится ни с одним из аналитических способов образования футурума³, но, напротив, коррелирует в большей степени с перфективным презентсом, также осуществлявшим референцию к будущему, и с перфектом и плюсквамперфектом. Южнославянские языки стремятся преодолеть эту асимметрию с футурумом и соотнести второе будущее не только с системой перфекта, но и будущего времени. Так, в современном болгарском языке *бъда* перестал функционировать как вспомогательный глагол для образования предбудущего, хотя еще в языке XIX в. такая форма встречается [Мирчев 1963: 203]. В современном болгарском предбудущее уже структурно перестроилось по модели футурума с частицей *ще*: *ще бъда / ще съм (няма да при отрицании) + л-форма* (см. пример выше). Заметим, однако, что *бъда* практически вышел из употребления в данной конструкции [Ницолова 2008: 313], хотя его по-прежнему фиксируют грамматики болгарского языка. Так, в параллельном русско-болгарском корпусе будущее предварительное встречается только с *съм* (условное обозначение для всех лиц).

Болгарская модель образования предбудущего структурно соответствует румынской, в которой второе будущее также включает вспомогательный ‘быть’ в форме аналитического будущего и причастие: *Veî fi visa-t* — быть-FUT.2SG спать-PART.

³ Аналитическое будущее типа «буду + инфинитив» возникает в славянских языках позднее, не ранее конца XIII в.

Сербохорватское второе будущее также обнаруживает некоторую тенденцию к перестройке по *севернобалканской* модели, однако формы с вспомогательным *бити* в форме будущего времени признаются периферийными и не в полной мере литературными:

(7) Сербохорв. *Биће пао снег. 'Вероятно, выпал снег'* [Стевановић 1986: 631];

(8) Сербохорв. *Кад се поново видимо, ја ћу бити положио све испите. 'Когда мы снова увидимся, я уже сдам все экзамены'* [Там же].

Такие формы зафиксированы и в более раннюю эпоху — уже в старочакавских памятниках [Rösler 1952: 116] и спорадически в штокавских грамотах XVII–XIX вв. Современный сербохорватский (по крайней мере в части штокавских, в средне- и южночакавских говорах⁴), таким образом, имеет фактически два способа образования предбудущего.

Две формы в сербохорватском распределены стилистически и отчасти семантически. Конструкция типа *ће бити* + *л-форма* представляет собой, согласно [Стевановић 1986: 630–631], модальную разновидность перфекта, употребляющуюся в основном в значении эпистемической возможности, дубитативности или даже апрехензивности. Основная форма предбудущего — *футур други* — употребляется, как правило, в условных и временных придаточных для обозначения будущей ситуации, предшествующей или одновременной ситуации в главном предложении, чисто модальные употребления для этой конструкции ограничены [Стеванович 1986: 692].

В болгарском наблюдается во многом сходная тенденция противопоставления модального предбудущего и чисто таксисного. Конструкцию типа *ще съм* + *л-форма* одновременно можно отнести в парадигму изъявительного наклонения (как футуральный перфект) и в парадигму презумптива [Герджиков 1984: 121–130; Иванова 2016]. Иными словами, в презумптивном значении могут употребляться две конструкции: *ще съм* + *л-форма* (предбудущее или презумптив без частицы *да*) и презумптив в перфекте с *да*, ср.:

(9) Болг. «*Окраде Русия*» — *казват. Как така ще е окрал Русия? От хазната ли взема пари?* — «Обокрал Россию», — отвечают. Как это **обокрал** Россию? Берет деньги из казны? (Александър Литвиненко. (Здравка Петрова, 2003)) [НКРЯ];

(10) Болг. *Не ще да са го пратили от добро да работи.* — Не с добра, **видно, послали** работать-то. (Н. Островски. (Людмил Стоянов, 1944)) [НКРЯ].

⁴ Автор сердечно благодарит Мислава Бенича за предоставленную информацию о ситуации в современных чакавских говорах.

Частица *да* не является строго обязательной для презумптива, который, однако, не всеми болгаристами признается как отдельное наклонение⁵. Как следует трактовать подобное употребление: как омонимию или грамматическую многозначность предбудущего? Ограничимся пока констатацией того, что и в болгарском имеет место та же тенденция, что и в сербохорватском, — развести разные функции предбудущего: темпоральную и модально-эвиденциальную.

Македонский (южнобалканский) тип во многом отличается от двух предыдущих и представляет собой аналитическое будущее от вспомогательного глагола ‘иметь’ в соединении с неизменяемым причастием, формально омонимичным форме среднего рода (например, *ке имам дойдено*). Такая форма является калькой арумынского предбудущего, да и в целом вся система перфекта с вспомогательным ‘иметь’ соответствует арумынской системе перфекта (см. [Gołąb 1984: 133–135]). Старый македонский перфект с вспомогательным ‘быть’, в свою очередь заимствованный арумынским, развивает эвиденциальные употребления [Конески 1982: 459–475].

Македонский тип структурно соответствует модели предбудущего в других балканских языках: новогреческом и албанском, которые используют неизменяемые частицы *џа* и *до* соответственно, восходящие к формам глагола ‘хотеть’, в соединении с вспомогательным ‘иметь’ и причастием. Арумынский также образует предбудущее по модели *аналитическое будущее вспомогательного глагола ‘иметь’ + неизменяемое причастие* [Бара и др. 2005: 179] (заметим, впрочем, что эта же модель присутствует и в болгарском, однако только для отрицательных форм предбудущего).

Семантические разновидности, синтаксические типы употребления предбудущего и эволюция⁶

1. В работах, посвященных перфекту, предбудущее рассматривается обычно как транспозиция перфекта в план будущего, а его значение признается чисто композициональным: **результативность в будущем / предшествование в будущем**. При этом в первом случае обстоятельство времени указывает не на время события, а на момент наличия состояния, ср. пример из современного болгарского языка:

⁵ Согласно другим подходам, форма признается модальным употреблением будущего предварительного [Маслов 1981: 360] или перфекта [Андрейчин 1978: 206], или «предположительным наклонением» наряду с конклюдивными формами [Пашов 1999: 190–196].

⁶ Рассматриваются только наиболее часто встречающиеся конструкции.

(11) Болг. *След двајсет години **ще съм го забравил***. ‘Через двадцать лет я его **забуду**’ [Иванова 2016] со ссылкой на [ГСБКЕ 1983: 349].

Примеры такого употребления предбудущего фиксируются и в древнеславянских памятниках, однако чрезвычайно редко (на весь огромный корпус исследованных текстов лишь два-три надежных случая), ср.:

(12) Древнерус. *да занеже не будетъ в то время мужа добра, нъ всн **будоуть погыбан***⁷. ‘Потому не будет в то время хорошего человека, но все **будут погибшие**’ [ЖАЮ: 5316–5317].

2. Таксисное значение **предшествования будущего события другому событию в будущем** является прототипическим для предбудущего в языках Европейского языкового союза (в составе, определенном в [König, Haspelmath 1999]). Именно так описывается основное значение этой формы в грамматиках европейских языков, например:

(13) Португал. *Quando chegares, já **terei partido***. ‘Когда ты придешь, я уже **уюду**’ [Oliveira 1995: 111];

(14) Итал. *Alle 5 di domani **sarà già uscito***. ‘Завтра в 5 он уже **уйдет**’ [Squartini 1995: 126].

Очевидно, типичными для чисто таксисных употреблений являются контексты предбудущего с обстоятельством времени или придаточным времени. Последнее в данном случае обозначает момент, до которого произойдет событие, как в примерах выше и в (15):

(15) Болг. *Ще съм вече надолу по реката. До вечерта **ще съм излязла в открито море***. ‘Я уже буду внизу по течению реки. До вечера я уже **выйду** в открытое море’ (Колелото на времето 4) [НКБЯ].

Можно говорить о том, что предбудущее в современном болгарском языке перестроилось под общеевропейскую модель, так как таксисные употребления для этой конструкции вполне типичны. Характерны для него и вторичные презумптивные употребления, также регулярные для предбудущего в подавляющем большинстве европейских языков (за исключением, пожалуй, английского) и в балканских языках (в частности албанском, румынском, новогреческом). Условимся называть данный семантический тип *новым* славянским предбудущим в противоположность *старому*, восходящему еще к праславянской системе.

Старое славянское предбудущее, напротив, почти не знает чисто таксисных употреблений, подобных примеру из современного болгарского. Нетипичны такие контексты и для предбудущего (*футур други*) в современном сербохорватском [Стевановић 1986], которое, очевид-

⁷ О различном категориальном статусе л-форм (претерит/причастие-прилагательное) см. ниже.

но, сохраняет генетическую связь с предшествующим периодом и на структурном, и на семантическом уровне.

3. Контекст **условного протазиса** следует признать одним из основных типов употребления *старого* предбудущего в славянской письменности:

(16) Старослав. ...н мѣтва вѣрна сѣсетъ болащаго, н нсцѣантъ н Гѣ, н аще грѣхы **будеть сътворнаъ**, ѿтдадаться емоу. ‘и молитва веры спасет больного, и исцелит его Господь, и если [окажется, что он] совершил грехи, то они будут отпущены’ (Иак. 5, 15) [Апост.Христ.];

(17) Древнерус. ...ѡже сѧ гдѣ **вуду ѡписналь**. нлн **переписналь** нлн **не дописналь**. ѹтнте нсправнава Ба дѣла. ‘Если я где-нибудь описался, или написал лишнее, или не дописал, читайте, исправляя ради Бога’ [СЛ: 173];

(18) Стародубровн. *Ma pokora ufan'e mi dava uzdano primit platu rajskijeh, ako za n'u oprostio moj Bog bude grijehе moje i bude mi dopustio milosrdje sveto svoje*. ‘Моя епитимья дает мне надежду получить награду на небесах, если за нее простит мой Бог грехи мои и допустит до милосердия Своего света’ [Zima 1887: 247–264].

Обычно чисто таксисные и условные употребления не разграничиваются в исторических и современных грамматиках славянских языков и других более частных работах при описании семантики предбудущего, ср., например, [Večerka 1993: 180; Andersen 2006(a)]. Условные контексты, однако, принципиальным образом отличаются от описанных выше в п. 1–2. Во-первых, событие в протазисе далеко не всегда, хотя и часто, хронологически предшествует событию в аподосисе, ср. пример из [Comrie 1985: 73]: *If it rains tomorrow, we'll have worked in vane yesterday*. Во-вторых, европейские языки строго делятся на те, в которых футуральные формы возможны в условном протазисе⁸, и те, в которых такое употребление неграмматично (так называемое *present eventive constaint*). Так, предбудущее не употребляется в условном протазисе в большинстве неславянских языков средневропейского стандарта. *Новое* предбудущее в современном болгарском, согласно [Ницолова 1998], хотя и может находиться в условном протазисе, однако, в отличие от сербохорватского предбудущего, такое употребление не является для него типичным (исследовательница приводит комбинации, наиболее часто встречающиеся в условных конструкциях, среди которых нет условного протазиса с будущим предварительным).

⁸ При этом условные придаточные следует ограничивать и от придаточных времени, так как существует более жесткое ограничение на употребление будущего времени в первых в сравнении с вторыми: если футурум может употребляться в условном протазисе, он также возможен и во временных придаточных, но не наоборот [Hedin 2000: 330].

Напротив, для древних славянских языков и для литературного сербохорватского именно условный протазис — одна из основных сфер употребления второго будущего, и это сближает их с турецким и другими языками, имеющими особое условное наклонение для выражения реальной посылки, а также с латинским языком, в котором второе будущее также широко употреблялось в условных придаточных [Ernout 1972: 375].

Еще более показательна в этом отношении ситуация в португальском языке, который имеет два футуральных перфекта, один в системе индикатива (13) и один в системе конъюнктива:

(19) Assim que **tiveres arranjado** o moinho... deixas-me de todo? 'Как только ты **установишь** мельницу... оставишь меня совсем?' [Sten 1973: 290].

И если для индикативной формы характерны таксисные употребления, то футуральный перфект конъюнктива, как и *старое* предбудущее в славянских языках, типичен как раз для условного протазиса и других зависимых предикаций [Там же: 260–261; 290]. Типологически сходные особенности демонстрирует условное наклонение в агульском, различающее формы прошедшего, настоящего и будущего времени. Последние характерны для тех же синтаксических структур, что и славянское предбудущее: условных, определительных и косвенного вопроса (см. подробно в работе [Майсак, Мерданова 2004]).

Придаточные определительные не менее типичны для старого славянского предбудущего, чем условные⁹. Представляется целесообразным, однако, не выделять их как отдельный тип употребления, а рассматривать здесь в одном ряду с условными, поскольку и те, и другие имеют общее происхождение — развиваются из вопросительных (общего или частного вопроса).

Итак, два основных типа употребления старого славянского второго будущего — это зависимые предикации условного или близкого к условному характера. Только таким образом функционирует предбудущее в древненовгородском диалекте. Условные и определительные придаточные — преимущественная сфера употребления предбудущего в древне- и старорусских памятниках, как собственно русских, так и церковнославянских. Довольно высока доля такого рода контекстов и в древнечешских, среднеболгарских, древнехорватских чакавских, новочакавских памятниках (см., например, [Kalsbeek 1998: 298]) и штокавских текстах вплоть до современного литературного сербохорватского языка [Стевановић 1986: 681]. *Футур други* в современном

⁹ Старочакав. *I će bude dobil, pogubit* [Malić 1997: 4];

Штокав. ...и остало покуће подјелили смо им на троје, који **буде преузо**, да један другому исплати [Комар 2009: 170].

сербохорватском, согласно [Vuković 2014], не обязательно маркирует предшествование, а скорее — будущую ситуацию в зависимой предикации: в придаточных условных, определительных и временных.

Таким образом, следует признать, что *старое* славянское второе будущее никогда не было средством чистого таксиса — по крайней мере, в письменную эпоху¹⁰. Едва ли целесообразно отрицать его существенное продвижение в сфере употребления косвенных наклонений, а возможно, и принадлежность к таковым, наряду с кондиционалом. Последний выражает ирреальное условие, образуется симметрично *старому* предбудущему и диахронически также связан с перфектом, только не в будущем, а в прошедшем (о гипотезе происхождения славянского кондиционала из плюсквамперфекта см. [Сичинава 2013: 179–186]).

Сходные идеи о близости славянского предбудущего косвенным наклонениям ранее уже выражали Ф. И. Буслаев, называвший предбудущее *будущим временем условного наклонения* [Буслаев 1869: 144–146], а примерно сто лет спустя — П. Выскочил [Vyskočil 1956: 260–261]. Однако их мнение не нашло поддержки среди славистов. К недавним попыткам говорить о втором будущем как о *предположительном наклонении* относится описание этой конструкции в древненовгородском диалекте А. А. Зализняка [Зализняк 2004: 606]. Странники этой же концепции есть и в сербском и хорватском языкознании. К таковым, к примеру, принадлежат А. Мусич и М. Стеванович, автор грамматики современного сербохорватского языка [Стевановић 1986: 694].

4. В значении **следования в будущем** славянское второе будущее употребляется существенно реже, чем в условном протазисе. Обычно, хотя и не всегда (22), это **аподосис условного предложения**. Если в протазисе предбудущее маркирует реальное (потенциальное) условие, то в аподосисе — реальное (потенциальное) следствие¹¹:

(20) Старосл. Ѧште на то створнмъ, Владыкы **подражалн вждѣмъ**. ‘Если мы это совершим, [то тем самым] мы **подражали** Владыке’ [Супр.: 379, 11];

(21) Древнерус.: Ѧще лн намъ сѡдолѣють, женамъ **воудоуть сѡдолѣан**. ‘Если они нас одолеют, **овладеют** нашими женщинами’ [(Александрия) НКРЯ];

(22) Древнечешск. ...*máš umřieti, i budeš pykal*. ‘Ты должен будешь умереть и **будешь страдать**’ Hod. 84b [Gebauer 1958: 427].

¹⁰ Ср. схожие гипотезы о плюсквамперфекте с вспомогательным *был*- в работе [Сичинава 2013: 187–203].

¹¹ Обращает на себя внимание сходство с плюсквамперфектом, для которого типологически свойственно «употребление в гипотетических конструкциях со значением ‘ирреальное (контрфактивное) условие’» [Там же: 33].

Употребления такого рода кажутся наиболее вероятными источниками реграмматикизации предбудущего в обычное неретроспективное будущее, которое имело место в истории целого ряда славянских языков (и некоторых неславянских: в латыни и далматинском, см. [Holtus et al. 1989: 523]; о грамматикализации предбудущего в неславянских языках Европы см. также [Пенькова 2018]). В [Пенькова 2016; 2017] реконструируется следующий путь семантического переосмысления предбудущего в аподосисе условной конструкции: 'результативность в будущем' → 'вывод, следствие' → 'следование в будущем' → 'футуральность'. Эта модель, однако, не объясняет, за счет чего могла вырасти частотность прежде маргинального в узусе предбудущего и, в особенности, его неретроспективных употреблений. Рассмотрим данные славянских языков и попробуем дать ответы на эти вопросы.

Форму аналитического будущего времени, формально соответствующую праславянскому предбудущему, имеют современный польский, кашубский, кайкавские говоры, карпаторусинский (на основании данных РК можно с уверенностью говорить в этом отношении только о говорах на территории Венгрии и Польши), западноукраинские говоры и словенский. Если для карпаторусинского и западноукраинского можно также предполагать влияние польского языка (хотя не исключено и самостоятельное развитие), то для остальных идиом требуются объяснения иного характера.

Во всех перечисленных языках, кроме словенского, перифраза футурума с *l*-формой (будем называть ее L-перифраза) употребляется только для глаголов НСВ. Это видовое различие между польским и словенским, а также некоторые другие ее особенности в древнепольских памятниках, склоняют некоторых исследователей к предположению, что польская L-перифраза не является прямым потомком праславянского второго будущего, а представляет собой более позднюю инновацию, поскольку аналогичная форма от глаголов СВ в древнепольских источниках (почти) не зафиксирована ([Mönke 1971: 115–123; Właszczak 2014: 186]).

Следует поискать объяснение такому видовому различию, в противном случае придется признать инновацией L-перифразы не только в польском и кашубском, но и в кайкавском наречии сербохорватского, которое генетически близко именно словенскому.

Показательным является существование во многих из названных идиом двух форм аналитического будущего¹², имеющих общий вспомогательный глагол: L-перифразы и конструкции с инфинитивом (будем называть ее INF-перифразой). Таковы польский и кашубский (в

¹² Возможны и другие аналитические способы выражения будущего, однако здесь мы их не учитываем.

последнем наличие INF-перифразы, скорее всего, является заимствованием из польского [Andersen 2006]). Кроме того, в древнечешском, в истории кайкавского, чакавского и штокавского наречий конкуренция данных конструкций также засвидетельствована. В старокайкавском и в старочакавском обе перифразы образовывались как от имперфективных, так и от перфективных глаголов. В штокавских памятниках XVII–XIX вв. INF-перифраза также зафиксирована от глаголов СВ/НСВ.

Такое же видовое безразличие INF-перифразы отличает и сербо-лужицкие языки. Его принято связывать с немецким влиянием [Там же: 16]. Как же в таком случае следует объяснять аналогичную ситуацию в сербохорватских говорах и, напротив, только НСВ глаголов в INF-перифразе в древнечешском, польском и кашубском, также находившихся под сильным немецким влиянием? По-видимому, только лишь языковыми контактами объяснить такие различия едва ли возможно.

Описывая аналитические формы глагола в славянских языках, В. Г. Гак замечает, что «один из языков может показывать, что было в прошлом у другого, или, наоборот, предсказывать, что может ожидать в другом языке» [Гак 1997: 48–49]. Возможное объяснение ситуации в польском могут дать диахронические и микродиахронические изменения в сербохорватских говорах. L-перифраза от глаголов СВ и НСВ представлена в современных северно-кайкавских говорах, граничащих со словенским, тогда как в других разновидностях кайкавского наречия она образуется только от глаголов НСВ [Andersen 2006: 20]: формы СВ вытеснены перфективным презенсом. INF-перифразы в современной кайкавщине отсутствуют, однако фиксируются в старокайкавском как от глаголов НСВ, так и СВ [Karpetanović 2013]. То же отсутствие видового ограничения в обеих перифразах имело место в истории чакавского и штокавского наречий.

В современном литературном сербохорватском языке, в основе которого лежит штокавское наречие, ситуация во многом начинает сближаться с ситуацией в кайкавских диалектах: INF-перифраза утрачена, а *футур други* здесь употребляется преимущественно от глаголов НСВ (структуры с l-формой от глаголов СВ встречаются только в 11% случаев, по данным Хорватского национального корпуса [Vuković 2014]). Предбудущее при этом не обязательно маркирует именно предшествование, а скорее — просто будущую ситуацию в зависимой предикации (см. также выше).

Важной особенностью сербохорватских говоров является также то, что обе конструкции (L-перифраза и INF-перифраза) ограничены в основном зависимыми предикациями, прежде всего условными, временными и определительными, ср. пример с INF-перифразой и контексты 16–18 выше:

(23) Старочакав. *Ako ti pravo ova virovati budeš... On hoće napraviti sve zgrišenje I krivice tvoje*. ‘Если ты **будешь** правильно **веровать**, Он [Бог] простит твою вину и все прегрешения твои’ [Zima 1887: 247–264].

Итак, в условных и определительных придаточных конструкции от глаголов СВ конкурировали с перфективным презенсом. Такая конкуренция могла привести к тому, что L-перифразы СВ постепенно вытесняются перфективным презенсом¹³. Это подтверждается данными истории кайкавского наречия и ситуацией в современном сербохорватском. Более того, контекстная синонимия предбудущего от глаголов СВ, перфективного презенса и INF-перифразы СВ, с одной стороны, и L- и INF-перифраз НСВ в условном протазисе, с другой стороны, могли способствовать тому, что предбудущее утрачивало ретроспективный компонент, так как идея предшествования условия следствию уже присутствует в самом условном контексте, а форма, маркирующая предшествование (L-перифраза от НСВ), оказывается эквивалентна форме без показателя предшествования — INF-перифразе от глаголов НСВ. Ср. примеры, в которых предбудущее от глаголов СВ функционально эквивалентно перфективному презенсу, а формы предбудущего от глаголов НСВ — INF-перифразе от имперфективных глаголов):

(24) Кайкав. *Jako ti jozdravim, moja luba bodeš*. ‘Если я тебя **исцелю**, моей супругой станешь’ [Там же];

(25) Кайкав. *Ti baba, ako ne budeš moje brate nazaj oživila, onda moj cucek bude tebe zaklal*. ‘Ты, баба, если обратно не **оживишь** моего брата, то мой пес тебя загрызет’ [Там же];

(26) Штокав. *Kouja* [так в изд.!] *буду судити... што јесам чинио...* ‘Которые **будут судить**... то, что я делал’ [Комар 2009: 122];

(27) Штокав. *Koji bude... судио потље 1741 года да један другоме исплати...* ‘Кто **будет**... **судить**... после 1741 года, что один другому заплатил...’ [Там же: 197].

Такую эволюционную модель можно предположить и для польского языка: конкуренция с презенсом совершенного вида привела к выходу из употребления форм будущего с *l*-причастием и инфинитивом от глаголов совершенного вида еще в дописьменную эпоху. Тем более что примеры L-перифразы с СВ в старопольских памятниках sporadически также встречаются [Mönke 1971: 115–123].

Таким образом, только лишь конвенционализацией имплицатуры в аподозисе (см. выше) эволюцию ретроспективного будущего в неретроспективное объяснить нельзя. Очевидно, существенную роль в этом процессе сыграла контекстная синонимия с перфективным презенсом и INF-перифразой.

¹³ Видовая специализация может быть характерна и для славянского плюсквамперфекта, см. [Сичинава 2018].

Еще одним фактором, способствовавшим такому переосмыслению предбудущего, могло быть сохранение *л*-формой атрибутивности. Атрибутивные употребления *л*-форм в древнерусских памятниках описаны М. В. Скачедубовой [Скачедубова 2016]. Наглядно эту особенность *л*-причастий показывает пример А. А. Потебни из Изборника 1073 г., приводимый в указанной работе. Здесь к одному глаголу-связке относятся одновременно *л*-форма, образующая с ним предбудущее, и два имени прилагательных: аште **вждеть** кѣто **старѣ** нан **немоштьнѣ** н **отънемогъса** ... [Там же: 82]. Следы такого архаичного значения *л*-причастий есть и в других славянских языках, и за их пределами (см., например, о чешских и старопольских образованиях на *-ly* — соответственно [Кореєнѹ 1958; Klemensiewicz 2015: 115]).

Косвенным подтверждением этому тезису может служить исходная ситуация в старославянском. Согласно [Плунгян, Урманчиева 2017], старославянский перфект имел не результативную, а характеристивную семантику, носителем которой являлось *л*-причастие, участвовавшее и в образовании предбудущего. Кроме того, переосмысление предбудущего в неретроспективное будущее в славянских языках могло подкрепляться влиянием конструкций с связкой *bqđq* при страдательных причастиях на *-n/-t*, которые имеют другую интерпретацию.

5. Модально-эвиденциальные употребления второго будущего весьма разнообразны и должны стать предметом отдельного внимательного исследования и описания, которое невозможно вместить в рамки одной небольшой статьи. Это употребления в значении предположения по отношению к событиям плана прошлого. Большинство контекстов можно отнести к **презумптивным**¹⁴, поскольку говорящий, очевидно, не является свидетелем этих событий, но лишь предполагает, что они имели место, на основании своего опыта, логического вывода или других знаний:

(28) Древнерус. Сѣюу, аще члѣк въ оубожествѣ оукрадетъ, то прочее помнун его... оубожество **прнпудило** н **будеть** ‘сын, если человек в бедности украдет, то помилуй его... **должно быть**, нищета **вынула** его’ (Пов. об Акире, 83) [НКРЯ];

(29) Древневосточноболг./древнесерб. **Вндѣлн воудете** дѣскы ледны по морю пловоуше н врѣхоу нхъ снѣгъ лежець? **Наверняка вы видели** ледяные доски, плывущие по морю, и на них лежащий снег?’ [Шестоднев IV: 421];

¹⁴ Предбудущее в болгарском встречается также в конклюдивных, адмиративных и дубитативных употреблениях и этим сближается с болгарскими эвиденциальными формами (о семантическом спектре последних см. [Макарець 2013]).

(30) Болг. *Детето е яло нешто зелено. От него **ще** му **е** прилошало.* ‘Ребенок ел что-нибудь незрелое. От этого, **должно быть**, ему **стало плохо**’ [Маслов 1956: 244];

(31) Чакав. *Nieće se na **biti izbudila** još.* — ‘Она, наверно, еще **не проснулась**’¹⁵.

Такие употребления типичны как для *старого*, так и для *нового* славянского предбудущего, однако они отсутствуют в древнечешском и не найдены в древнехорватских чакавских памятниках, а зафиксированы пока только в старославянских, древнерусских, и древневосточноболгарских, а также известны в сербохорватском (только в аппрехенсивных контекстах [Ковачевић 2009]).

О *новом* славянском предбудущем в болгарском, его синонимии с презумптивом перфекта и тенденции к разграничению предбудущего в чисто таксисном употреблении и в модально-эвиденциальном уже шла речь выше. Показательно, что такая же синонимия предбудущего с презумптивом характерна и для румынского языка, в котором презумптив предшествования и предбудущее могут обозначать предполагаемые в прошлом события. Более того, согласно [Haase 1995: 149], структурно более сложная форма презумптива в румынском при этом склонна заменяться на более простое второе будущее.

В других европейских языках, в которых отсутствует грамматализованный презумптив, именно предбудущее является одним из средств выражения презумптивной семантики:

(32) Немец. *Er ist eine recht eigenartige Erscheinung, das **werden** Sie ja selbst **gemerkt haben**.* ‘Поистине он уникальное явление, это вы, **вероятно**, и сами **заметили**’ [Шендельс 1970: 77].

Можно предположить, что в балканских языках и болгарском в частности с его склонностью к омонимии форм именно модальные употребления будущего второго наряду с такими же употреблениями будущего первого являются основанием, своего рода минимальной парой для формирования парадигмы презумптива. Подобную ситуацию можно наблюдать в новогреческом, в котором частица *θα*, аналог болгарской *ще*, может сочетаться с любыми временными формами для выражения значений, близких к презумптивным. В одном из таких употреблений модальная конструкция с *θα*, как и в болгарском, формально совпадает с предбудущим [Hedin 1995: 250]. Формирование парадигмы презумптива (пробабилитива) с показателем *bići*, согласно мнению М. Бенича, можно наблюдать и в чакавских говорах.

¹⁵ Пример сообщен Миславом Беничем.

Некоторые выводы

В славянских языках предбудущее является очень нестабильным элементом системы. *Старое* предбудущее, унаследованное из праславянского, претендовало на роль предположительного наклонения, практически не имея чисто таксисных употреблений. В этой роли оно конкурировало с презенсом и/или с INF-перифразой, что привело к утрате ретроспективного компонента и превращению в перифразу футурума в части западных и юго-западных славянских языков или к полной утрате в других славянских языках, кроме юго-восточных болгарского, македонского и штокавского наречия сербохорватского.

В болгарском и македонском на месте *старого* возникло *новое* предбудущее, которое структурно и семантически перестроилось под общебалканскую и общеевропейскую модель и, помимо таксисных употреблений, развивает модальные — входит в парадигму конструкций с частицей *ще/ќе/ѓа*.

Старое предбудущее продолжает сохраняться в сербохорватском литературном языке, однако здесь намечаются две тенденции. Первая — утрата ретроспективности — путь, по которому прошли другие юго-западнославянские языки (словенский, кайкавский). Вторая — развитие модальной конструкции *biće + l*, структурно и семантически соответствующей болгарскому предбудущему.

Литература

- Андрейчин 1978 — *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. София, 1978.
- Бара и др. 2005 — *Бара М., Каль Т., Соболев А. Н.* Южноарумынский говор села Тулья (Пинд). Синтаксис, лексика, этнолингвистика, тексты. München, 2005.
- Буслаев 1869 — *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. 1–2. М., 1869.
- Войводић 2014 — *Войводић Д. П.* Проблематика развоја футура и његове грамаатикализације у словенским језицима (с посебним освртом на ситуацију у српском, руском и польском). Русе, 2014.
- Гак 1997 — *Гак В. Г.* Типология аналитических форм глагола в славянских языках // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 47–58.
- Герджиков 1984 — *Герджиков Г.* Преизказването на глаголното действие в българския език. София, 1984.
- ГСБКЕ — Граматика на съвременния български книжовен език. Т. II. Морфология. София, 1983.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

- Иванова 2016 — *Иванова Е. Ю.* Система будущих времен в болгарском языке: семантические переосмысления идеи следования // Рабочее совещание по типологии футурально-проспективной семантической зоны 8–10 декабря 2016 года. Институт лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН). СПб., 2016.
- Ковачевић 2009 — *Ковачевић М.* Употреба футура II у простој реченици // Српски језик — студије српске и словенске. Бр. XIV. 1–2. 2009. С. 65–75.
- Конески 1982 — *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1982.
- Майсак, Мерданова 2004 — *Майсак Т. А., Мерданова С. Р.* «Проверятельная форма» в агульском языке: структура, семантика и гипотеза о происхождении // Исследования по теории грамматики. Вып.3. Ирреалис и ирреальность / Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). М., 2004. С. 430–455.
- Макарцев 2013 — *Макарцев М. М.* Эвиденциальность в пространстве балканского текста. СПб., 2013.
- Маслов 1981 — *Маслов Ю. С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
- Мирчев 1963 — *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1963.
- Ницолова 2008 — *Ницолова Р.* Българска граматика. Морфология. София, 2008.
- Ницолова 1998 — *Ницолова Р.* Условные конструкции в болгарском языке. Типология условных конструкций / Храковский В. С. (ред.). Типология условных конструкций. Спб., 1998. С. 129–160.
- Пашов 1999 — *Пашов П.* Българска граматика. Пловдив, 1999.
- Пенькова 2014 — *Пенькова Я. А.* К вопросу о семантике т. н. будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого») // Русский язык в научном освещении 1 (27). С. 150–184.
- Пенькова 2016 — *Пенькова Я. А.* Семантика славянского второго будущего и некоторые типологические параллели // Труды института русского языка. Вып. 10. М., 2016. С. 475–488.
- Пенькова 2017 — *Пенькова Я. А.* К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции // Die Welt der Slaven. 2017. № 2 (62). S. 247–275.
- Пенькова 2018 — *Пенькова Я. А.* От ретроспективности к проспективности: предбудущее как источник грамматикализации футурума в языках Европы // Вопросы языкознания. 2018. № 2. С. 53–70.
- Плунгян, Урманчиева 2017 — *Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю.* Перфект в старославянском. Был ли он результативным? // Slověne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies. 2017. Vol. 6. № 2. С. 13–56.
- Сичинава 2013 — *Сичинава Д. В.* Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.
- Сичинава 2018 — *Сичинава Д. В.* Абсолютно-относительные времена и их сочетаемость с видом в истории славянских языков. М., в печати.
- Скачедубова 2016 — *Скачедубова М. В.* О некоторых особенностях функционирования *-л*-формы в Ипатьевской летописи // Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей, посвященный памяти Надежды Васильевны

- Котовой и Ольги Александровны Ржанниковой / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2016. С. 78–83.
- Стевановић 1986 — *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Т. II. Београд, 1986.
- Шендельс 1970 — *Шендельс Е. И.* Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М., 1970.
- Andersen 2006 — *Andersen H.* Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence // *Change in verbal systems. Issues in explanation* / Eksell K., Vinther T. (ed.). Bern, 2006. P. 9–45.
- Andersen 2006(a) — *Andersen H.* Future and future perfect in the Old Novgorod dialect // *Russian Linguistics*. 2006. № 30/1. P. 71–80.
- Błaszczak 2014 — *Błaszczak J., Jabłońska P., Klimek-Jankowska D., Migdalski K.* The riddle of «future tense» in Polish // *Future times, future tenses* / De Brabanter, P., Kissine M., Sharifzadeh S. (ed.). Oxford, 2014. P. 165–204.
- Comrie 1985 — *Comrie B.* Tense. Cambridge, 1985.
- Ernout 1972 — *Ernout A., Thomas F.* Syntaxe latine. Paris, 1972.
- Gebauer 1958 — *Gebauer J.* Historická mluvnicka jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. II. Časování. Praha, 1958.
- Gołąb 1984 — *Gołąb Z.* The Arumanian dialect of Kruševo in SR Macedonia, SRF Yugoslavia. Skopje, 1984.
- Haase 1995 — *Haase M.* Tense, aspect and mood in Romanian. // *Tense Systems in European Languages. II* / Thieroff R. (ed.). Tübingen, 1995. P. 135–152.
- Hedin 2000 — *Hedin E.* Future marking in conditional and temporal clauses in Greek // *Tense and Aspect in the Languages of Europe* / Dahl Ö. (ed.). Berlin, 2000. P. 329–349.
- Hedin 1995 — *Hedin E.* The tense aspect system of modern Greek // *Tense Systems in European Languages. II* / Thieroff R. (ed.). Tübingen, 1995. P. 233–252.
- Holtus 1989 — *Lexikon der romanistischen Linguistik Bd. III. Die einzelnen romanischen Sprachen und Sprachgebiete von der Renaissance bis zur Gegenwart: Rumänisch, Dalmatisch-Istroromanisch, Friaulisch, Ladinisch, Bündnerromanisch* / Holtus G., Metzeltin M., Schmitt Ch. (eds.). Tübingen, 1989.
- Kalsbeek 1998 — *Kalsbeek J.* The Čakavian Dialect of Orbanici Near Žminj in Istria // *Studies in Slavic and general Linguistics*. Vol. 25. Amsterdam; Atlanta, 1998.
- Kapetanović 2013 — *Kapetanović A.* Dijatopijske varijacije starohrvatske književne čakavštine // *Hrvatski dijalektološki zbornik* 18. Zagreb, 2013. S. 163–174.
- Klemensiewicz 2015 — *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. Warszawa, 2015.
- Копецный 1958 — *Копецный F.* Пришедші, zahynuvši — prišly, zahynuly (Príspevek k problému slovanského přičestí l-ového) // *Славянская филология*. Вып. 2. М., 1958. С. 138–163.
- König, Haspelmath 1999 — *König E., Haspelmath M.* Der europäische Sprachbund // *EuroLinguistik. Ein Schnitt in die Zukunft. Beiträge zum Symposium vom 24. bis 27. März 1997 im Jagdschloß Glienicke (bei Berlin)* / Reiter N. (ed.). Wiesbaden, 1999. S. 111–127.

- Křížková 1960 — *Křížková H.* Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvl. ruštině. Praha, 1960.
- Lunt 1952 — *Lunt H. G.* Grammar of the Macedonian Literary Language. Skopje, 1952.
- Migdalski 2006 — *Migdalski K.* The Syntax of Compound Tenses in Slavic. Ph.D. dissertation. 2006.
- Mönke 1971 — *Mönke H.* Das Futurum der polnischen Verba. München, 1971.
- Movchan — *Movchan Ya.* Vergleichende Analyse der Verbalsysteme in den slawischen Sprachen. [рукопись.]
- Oliveira 1995 — *Oliveira F., Lopes A.* Tense and aspect in Portuguese // Tense Systems in European Languages. II / Thieroff R. (ed.). Tübingen, 1995. P. 95–116.
- Rösler 1952 — *Rösler K.* Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slawischen // Wiener slawistisches Jahrbuch. 2. 1952. S. 103–149.
- Squartini 1995 — *Squartini M.* Tense and aspect in Italian // Tense Systems in European Languages. II / Thieroff R. (ed.). Tübingen, 1995. P. 117–134.
- Sten 1973 — *Sten H.* L'emploi des temps en portugais moderne. København, 1973.
- Todorović 2007 — *Todorović B.* Prihodnjik v slovanskih jezikih. Magistrsko delo. Ljubljana, 2007.
- Večerka 1993 — *Večerka R.* Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Freiburg i. Br., 1993.
- Vuković 2014 — *Vuković P.* Futur drugi u suvremenom hrvatskom jeziku // Jezik: časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika. 2014. № 61 (3). S. 81–94.
- Vyskočil 1956 — *Vyskočil P.* Staroslověnské сътвориль бждѣ // Slavia. 25. 2. 1956. S. 260–261.
- Zima 1887 — *Zima L.* Ńekoje, većinom sintaktične razlike između čakavštine, kajkavštine i štokavštine // Djela Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. VII. Zagreb, 1887.

Источники

- Апост.Христ. — «Христинопольский» (или «Городисский») апостол. — Kaľuzniacki Aem. Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII-o scripti. Vindobonae, 1896.
- ЖАЮ — *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Комар 2009 — *Комар Г. Ж.* Бока Которска: ћирилски споменци 17. 18. и 19. вијека (Acta Serbica). Херцег-Нови, 2009.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://ruscorpora.ru>
- Параллельный корпус русских и болгарских текстов. http://rbcorpus.com/index_rus.php
- НКБЯ — Национальный корпус болгарского языка. <http://search.dcl.bas.bg/>
- РК — Corpus of spoken Rusyn. <http://parasolcorpus.org/Varchola2/index.php>
- Син. Пс. — MSC, Cod. Sin. slav. 3/N. www.manuscripts.ru

СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 2001.

Супр. — *Заимов Ё., Капалдо М.* Супрасльски или ретков сборник. Т. I–II. София, 1982.

Шестоднев — *Aitzetmüller R. A.* Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Bd. I–VII. Graz, 1958.

Malić 1997 — *Malić D.* *Žića svetih otaca.* Zagreb, 1997.